

НА КОНКУРС «50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Ровно 30 лет назад в Южно-Уральском книжном издательстве вышла поэтическая книга нашего земляка Александра ЛАПТЕВА «Путевой огонек». Первая и единственная. Так уж получилось, что новые стихи регулярно появлялись в периодической печати, несколько раз подготавливался к изданию очередной сборник стихотворений. Но стихи так и оставались в рабочем столе по причинам, не зависящим от автора. Сегодня мы поздравляем автора с юбилеем выхода книги и предлагаем читателям стихи разных лет.

Александр ЛАПТЕВ

За перезвоном наград

* * *

Крамаренко П. Е.

Не на кителе иль гимнастерке —
на костюме — и этому рад,
носит деда наш Петя, как Теркин,
перезвон золоченых наград.
А за ним — лучевым перезвоном —
несмолкаемый грохот боев,
недоступная разуму зона...
Как, родные, прошли вы ее?!
Тыщи верст бездорожья и зноя!
Тыщи верст — то пали, то туши.
И навеки раненье сквозное
омраченной смертями души.
Звон медалей — и дымные дали.
Украина. Задонье. Кавказ.
Отступали. Потом наступали.
Вот и весь невеликий рассказ.
Внуки, внуки, гордитесь, что деда
(а ведь был он совсем молодым!)
нес ту ношу, чье имя — Победа,
через смерчи пожара и дым.
И поклонимся этой Победе,
с нею — павшим, ушедшим, живым,
и конечно, любимому деде —
с тем ранением не ножевым!
Счастья вам, дорогой, и здоровья!
Долгих лет и счастливых внучат!
Пусть не будет ни стон, ни крови,
а награды да песни звучат.

Где-то в нем нашла нам и отца ты,
с кем большой, завидный путь пролегал.
От войны Гражданской, что скосила
тифом косы русые твои,
а отца по всем фронтам носила
и кидала в смертные бои...
От рожденья первого мальчонки
в урожайный двадцать третий год —
потянулись все наши ручонки
лишь к тебе — из болей да невзгод.
... Ферма. Ты — телятница, доярка.
Годы с лаской и брыжней телят.
С туесками вишни да боярки,
и с работой, где и что велят.
А в войну — судьба солдатки снова!
Где удар по жилам — каждый рот,
ты была кормилицей, основной
семерых своих да двух сирот.
И сейчас — из серебра иль сплава —
меж наград отцовых в узелке
заябнет орден материнской славы,
кроме нас не виданный никем.
Все вкрутила дней витая стружка:
свадеб радость и пургу потерь.
Мама, мама, ты уже старушка,
но годам поникнута не верь!
Нас твоя квартира городская,
как бывало дом родной в селе,
все скликает и не отпускает,
и понурых, и навеселе.
Мы и сами стали все отцами.
У тебя уже и правнук есть.
Но и нас, бывает, тянет к маме,
если думки тайные прочесть.
Нет нам ближе и роднее крова,
гаснут здесь и горечь, и вражда...
Будь здорова, мама! Будь здорова!
И прости, коль заставляем ждать!

* * *

Тихо-тихо. Опустели все постели.
Кто — на Запад, кто — на Юг. А мне куда?
Хоть бы корешки за ставней просвистели
и позвали в голубое никуда.
Одуванчики и детки мать-и-мачехи
обжелтели пол-поляны у стены...
Вы — все те же, как все те же эти мальчишки,
что войною, как метлою, сметены.
Почки-клевовики захолопали на тополе.
Шерсткой-травкою канавки занялись...
Сколько чудного мы с одури прохлопали!
Как обжулил нас однажды Хитрый Лис!
Хитрый Лис и хитрый бес нуды-политики...
И на кой мне чья-то власть
и чья-то страсть?

Поверните ваши лица, аналитики,
в эту сторону, где речка разлилась.
Где в березах поважились гнезды вороны,
где извечная Россия вся как есть!
Бесконечная, родная во все стороны,
есть в ней каждому и выпить и поесть.
Только надо нам склониться перед нею
и покаяться за личное до слез...
Тихо-тихо... Вот тогда еще роднее
станет гомон в светлой-зелени берез.

Ступени

Памяти Куликова И. Е.,
погибшего в Сталинграде
в конце декабря 1942 года.

Привыкнуть можно ли, не знаю,
чтоб в небе женщина с мечом
напоминала, высь пронзая,
беду в полмира за плечом.
Я видел иностранцев лица,
а в них — и пустоту, и стынь.
Что им, живущим в заграничах,
до наших болей и святых?
Ступени, долгие ступени.
Они — чтоб памяти помочь.
И тополей трещат тени.
И в каждой тени — чья-то ночь.
Мемориал холодным дотом
белеет в куполе горы.
И преклонившись, плачет кто-то
в бетонной полости норы.
Но я не все бы здесь воспринял —
уж очень лишку торжества,
когда бы смерти здесь не принял
мой тесть за день до Рождества.
В сорок втором, кровавом, жутом,
когда горела в Волге тьма,
а жизнь казалась промежутком
в цепи безумья и ума.
Ах, милый тесть, мне лишь тринадцать
тогда исполнилось едва:
пора мечтать да к счастью рваться...
Тебе же было тридцать два.
Не побывать тебе на свадьбе
своих двух дочек и внучат —
лежать в узорчатой усадьбе
могилы братской и молчать.
За сотню верст лежать от Волги
в местечке Ленинске, куда
тебя — убитого — осколки
извлечь отправили тогда.
И вот прописан там навечно
урадец — воин — комиссар...
А в сих ступенях бесконечных
остался твой священный жар.
И мне понятен холод дота,
что виден в куполе горы,
где преклонившись, плачет кто-то
в бетонной полости норы.

Ты уже старушка

Маме на день 75-летия.

Мама, мама! Ты уже... старушка.
Не кручинься только и держись.
Все вкрутила дней витая стружка,
все, что значит в мире этом жизнь.
А по сути — это век двадцатый...
все, что намудрил он и навлек...

Леонид ЧЕРНЫШОВ — ветеран
литературного движения на
Магнитке. Много лет он отдал
металлургическому комбинату,
работая машинистом
грейферного крана на
шихтовом дворе.

Ему исполнилось шестьдесят
лет. Хотя и говорят, что возраст
для поэта весьма солидный, но
в это не хочется верить. А
портрет Леонида Чернышова
исполнил ветеран народной
изостудии комбината,
контролер ОТК мартеновского
цеха, художник
Владимир КЛИМАНОВ.

Леонид ЧЕРНЫШОВ

Не говори ни слова, милая,
Я слушаю твои глаза.

* * *

Друг друга любим мы, и посему
Я пью за это. Мне бокала мало.
Любовь — корабль. Не дай же Бог ему
Девятого, как говорится, вала.

Миниатюры

Журавли любви моей
Грустно в памяти летят.
Я боюсь сплунуть их.

Не повезло ее глазам,
Слезам истекают.

Слышу: счастье голос подает,
За него цепляюсь, как за круг спасательный.

Ревниво за мечтой своей ухаживаю,
поглаживая мысленно, как женщину.

Друзья мои — птицы тепла,
Да жалко, слетаются редко.

Я в почву, нашигованную глупостью,
Зерно ума пытался посадить.

Приоткрой штору жизни рукой не ленивой.

Из глупости не выдавить и капельку ума.

Руки не могут взлететь, словно птица,
Зато как порою порхают!

Мои мечты сидят на черепахе,
Вот почему я в постоянном страхе.

Я в положение глупое попал:
Пытался глупость укротить, как зверя.

В голубизну ее глаз
Якорь надежды я бросил.

Его душа — подвал.
В ней сыро и темно.

Я рисковал.

Поззия — солнышко, в котором бьется умное
сердце.

Дурак только под пыткой признается, что он
дурак, да и то только потому, что ему больно.

У убитого времени пульс не щупают.

У каждого поэта свое лицо, и не беда, если у
кого-то из них оно рябое.

Солнце — неистощимый источник доброты, и
только дурак видит на нем пятна.

Когда на умные вопросы дурак давал ответ,
умный, улыбаясь, говорил: «Разрешите с вашего
ответа стряхнуть пыль».

Ко дню своего рождения

Ах, годы! Как они летят!
Легко, настойчиво и дружно...
Уже мне нынче шестьдесят,
Но это никому не нужно.
Ну совершенно никому!
И обо мне давай забудем.
Но все же рад я одному —
Что, как поэт, любезен людям.
Вчера я уронил слезу,
Простите, подвело терпенье:
Читал знакомый наизусть
Мне и мое стихотворенье.

* * *

Я улыбаюсь и стараюсь
Всегда с улыбкой вдаль смотреть.
Улыбка изгоняет старость
И юным не дает стареть.
Друзья! Желаю вам успеха
В борьбе с тягучей скукой,
И заявляю, кроме смеха,
Что смех — волшебник золотой.

О сердце

Когда-нибудь устанет биться сердце,
Нет выходных и отпуска ему.
И никуда от этого не деться,
Природа всем дала по одному.
Ах, как оно порой опасно бьется!
И что ему на завтра суждено?
Его не спросят: «Как тебе живется?»
Как будто бы чужое нам оно.
А мы его ни капли не жалеем.
Зачем жалеть?
Еще ж инфаркта нет...
И на глазах стремительно стареем,
А нам друзья желают жить сто лет.

Памяти В. Высоцкого

Высоцкому старушка виновато
прошамкала, вступая на порог:
— Поешь ты молодцом, но дюже хрипловато,
сырые яйца пей, сынок.
Владимир улыбнулся и сказал:
— Святая доброта! — и в лоб поцеловал.

Я знаю: многим холодно на свете,
Да и придет ли холодам конец?
О, если б душу расщепить, как атом,
То сколько смог бы я согреть сердец.

От голода я жизни не лишусь,
Хоть все исчезнет на воде и суше.
Я с аппетитом буду есть лапшу,
Которую нам вещают на уши.

Капельку о любви

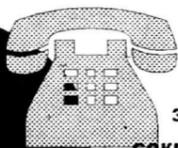
Бежал к тебе, дорога длинная...
Скатилась радости слеза.

Зам. редактора М. А. КОТЛУХУЖИН

Газета зарегистрирована
Региональной инспекцией по
защите свободы печати и массовой
информации (г. Екатеринбург).
Регистрационный № Е-0370.
Учредитель — акционерное
общество «Магнитогорский
металлургический комбинат»

НАШ
АДРЕС:

455002, Кирова, 70

Приемная - 33-75-70;
зам. редактора - 33-76-04;
секретариат - 33-07-98, 33-40-35;
корреспонденты - 33-14-42,

В течение года выпускается 250 номеров. Газета выходит
по вторникам, четвергам и субботам.
Письма и рукописи не рецензируются.
Позиция авторов публикации может не совпадать с
позицией редакции.
За достоверность рекламы, объявлений, программ
телевидения редакция ответственности не несет.

Подписано в печать 28.12.94 в 14.00. Объем 2 печ.
листа. Печать офсетная. Тираж 42000.
Заказ № 4670.
Отпечатано в полиграфпредприятии Уральского
информационного центра (455000, г. Магнитогорск,
пр. К. Маркса, 69).